

Как говорится, что посеешь, то и пожнёшь. Хань Фэй получил защиту Чжуан Вэнь, потому что ранее он помог ей сбежать из-под контроля Бабочки. Несмотря на то, что она была опалена тлеющими углями ненависти, Чжуан Вэнь всё равно помогла спастись Хань Фэю. Однако на этом их отношения и заканчивались. Хань Фэй не смог просить её о большем.

В этот опасный момент Чжуан Вэнь не собиралась убегать, она собрала всю свою ненависть, чтобы ударить по алтарю!

Старый алтарь начал кровоточить. Древняя кровь источала зловоние. Кровеносные капилляры лопнули, и кровавые цветы завяли в воздухе. Внутри алтаря пробуждалась очень страшная сила. Казалось, он был связан с оболочкой кокона, поскольку мог манипулировать всем, что находилось в долине внутри кокона и в море крови.

Кровеносные сосуды выползли из моря цветов и образовали гигантскую сеть, окутавшую Чжуан Вэнь и Хань Фэя вместе с алтарем.

Под безжалостным натиском Чжуан Вэня поверхность алтаря начала трескаться. Задержавшаяся ненависть не смогла разрушить алтарь. Это дало Хань Фэю новую информацию о Неупоминаемых. Однако атаки Чжуан Вэнь не были бессмысленными. По крайней мере, она предоставила Большому Греху лучшую возможность для пира.

Большой грех поглотил часть сердца, и выпил всю вытекшую кровь. Сердце внутри алтаря было связано с душами и ночными кошмарами бесконечных детей. Каждая капля крови, вытекающая из этого сердца, содержала глубочайший ужас.

'Большой грех, вероятно, почувствовал это в тот момент, когда мы вошли в Зиккурат. Он предпочел спрятаться у меня в руке, потому что не хотел, чтобы эта штука его обнаружила. Только когда я подошел к алтарю, он вышел из моего тела.'

Большой Грех рассматривал Хань Фэя как свою маскировку. Этот питомец только казался добропорядочным, но на самом деле он был хитрее своего хозяина.

'И Большой грех, и Бабочка произошли из человеческого кокона, Бабочка олицетворяет человеческую сторону вещей, а Большой грех - противоположность. Как бы то ни было, у них должно быть одинаковое стремление и желание.'

Ситуация вышла из-под контроля Хань Фэя. Единственное, что он мог сделать, это доесть последние несколько свиных сердечек, которые Сюй Цинь оставила для него. Его жизненные очки начали восстанавливаться.

Большой Грех внутри алтаря пировал на сердце, Чжуан Вэнь за пределами алтаря продолжала свои атаки. Черный туман вокруг оболочки кокона яростно клубился. Здание над ними начало трескаться. Похожие на корни кровеносные сосуды проникали в Зиккурат. До этого сердце внутри алтаря, поддерживало Зиккурат, но теперь оно начало поглощать что-то из самого здания.

Получив ранения, неупоминаемый в алтаре, открыл свои глаза. Подземные этажи начали разрушаться. Чёрный туман взволнованно клубился. Движимый какой-то силой, 'Бог' внутри алтаря медленно пробуждался.

Станный голос прозвучал в самом сердце кошмара. Он пробормотал что-то, чего никто не смог понять. И тут мёртвое сердце внутри алтаря снова начало биться!

...

В то время как под землей происходили радикальные перемены, из комнаты 4244 доносился звук раскачивающихся колокольчиков Души. Этот звук был предзнаменованием чего-то злого. Первоначально Колокольчики Души звенели только внутри комнаты 4244, но вскоре во всех комнатах в Зиккurate зазвенели колокольчики Души.

— Бабушка, ещё не 4:44, я всё ещё хочу побыть с вами. Рядом с обычным обеденным столом сидела девушка с конским хвостом. У неё были пухлые щечки, а когда она улыбалась, на щеках появлялись милые ямочки.

— Бабушка тоже хочет, чтобы ты осталась подольше, но уже пора. — Пожилая дама встала из-за деревянного стола. Она вошла на кухню, чтобы взять нож.

— Спасибо, что сопровождали меня так долго. — Пожилая леди ласково посмотрела на маленькую девочку, сидевшую за столом. Девочка держала ложку в одной руке, а другой схватила миску, наполненную белыми клёцками. Девочка улыбалась с рождения. Даже когда пожилая леди появилась с ножом, она продолжала улыбаться.

Поднятая рука ударила девушку по голове. Нож прорезал кожу девушки, но крови не было. Девочка рассмеялась, когда её тело рассыпалось, как папье-маше, пока на стуле не остался только фрагмент семейного портрета.

— Любимый, теперь твоя очередь. — Она повернулась к старику, который сидел рядом с ней. Тот был сдержан, но смотрел он на старуху мягко и нежно. Точно так же тело старика треснуло, как бумага от удара ножом. Затуманенные глаза старой леди были полны слез, но она должна была это сделать.

Она посмотрела на семью, собравшуюся за обеденным столом. Там было 4 поколения, и атмосфера была радостной. Но, кроме неё самой, все за столом были бумажными куклами. Это была вина ребёнка, ребёнка, который уже должен был умереть.

— Это наказание, которого мы заслуживаем за совершенный нами грех.

Пожилая леди сдерживала слезы, убивая свою семью одного за другим. Она собрала фрагменты от членов своей семьи и собрала семейный портрет по кусочкам. Затем она повернулась, чтобы посмотреть на стул в конце стола. Стул был меньше обычного и выглядел новым, как будто не предназначался для использования, а был просто элементом декора.

— Вы никогда не присоединялись за семейным ужином, когда мы были живы, но теперь вы единственные, кто остался за обеденным столом. — Взяв стул, пожилая леди вышла на середину гостиной. Она изучила алтарь, который сама соорудила, и поместила полный семейный портрет перед алтарём.

Свечи погасли. Еда на жертвенном столе не изменилась, но от неё стал исходить ужасный запах, как будто она разлагалась изнутри. Немного помигав, свет в комнате погас. Пожилая леди молча подвинула свободный стул, чтобы поставить его перед алтарем.

Взяв Колокольчик Души, пожилая леди потрясла им, что-то напевая. Она открыла все двери внутри дома и обрезала красные веревки, которыми была оплетена квартира. Ранее обычная комната мгновенно стала жуткой. Ветер трепал остатки бумажных кукол на земле. По их улыбающимся лицам текли слёзы. Крепления окон и дверей заскрипели. Дверь алтаря тоже задрожала. Семейный портрет тоже начал меняться.

На семейном портрете было изображено 4-ое поколение старой леди. Но внезапно появилась изуродованная тень. Она не была частью портрета, но внешний вид тени не казался инородным, как будто она должна была быть частью этой семьи.

Старая леди зазвенела Колокольчиком Души, произнося заклинание для ритуала. Её тело ломалось, но красные нити поддерживали старуху. Красные нити удерживали её плоть и душу на месте, чтобы тело не исчезло полностью. Она использовала всю свою силу, чтобы завершить ритуал призыва души. Когда из комнаты 4244 донёлся голос пожилой леди, панихида разнеслась по всему Зиккурату.

Лестницы для душ перед всеми комнатами разлетелись вдребезги, а бумажные деньги взмыли в воздух. В момент наступления сумерек двери алтаря в комнате 4244 медленно открылись!

Семейный портрет, помещенный перед алтарем, затянуло внутрь. Семейный портрет, по видимому, был единственной фотографией, оставленной управляющим Зиккурата. Старая леди, сгорбившись, повторяла всё быстрее и быстрее.

Медленно алтарь внутри комнаты 4244 начал меняться, как будто резонируя с алтарём под землей. Чёрные капилляры вырвались из алтаря в 4244-ой и бешено распространились по всему Зиккурату. Сработали все смертельные проклятия, скрытые внутри жильцов. Страх, отчаяние и боль напоминали всем об этой ужасающей ауре.

Из всех шкафов Зиккурата начала течь кровь. Канал связи между кошмаром и загадочным миром открывался. Страх арендаторов был мостом между этими двумя мирами. Крики отчаяния эхом отдавались в корпусах. Зловоние зла пропитало каждый уголок Зиккурата.

Чёрные капилляры с верхнего этажа несли сильную ненависть и давили вниз; чёрные капилляры из-под земли несли ауру Смерти и ползли вверх, в конце концов они встретились на 4-ом этаже. Кровеносные капилляры переплелись друг с другом. Когда ненависть и смерть были готовы соединиться, раздалась пронзительная песня. Жильцы нашли новый источник страха!

Остановив сочетание ненависти и смерти, Неупоминаемый пришёл в ярость. Слезы появились на 4-м этаже. Комната 4044 стала эпицентром смерти и ненависти. Кровавая дверь, где когда-то обитал безголовый страж дверей, разорвалась на части. Шкафы внутри Зиккурата опрокидывались. Независимо от того, насколько сильным хаосом был раньше, шкафы никогда не страдали.

Однако, поскольку дверь в 4044-ую выбили, трещины перешли и на саму комнату. Шкафы в комнате начали скрипеть, нестабильность загадочного мира повлияла и на мир шкафов.

В мире шкафов окровавленная одежда начала раскачиваться. Кроваво-красные трещины появились на потолке и земле, как шрамы. Монстры, обитавшие здесь, начали убегать и прятаться. Границы мира шкафов рушились по мере того, как он медленно соединялся с загадочным миром. Первоначально мир шкафов был мостом между кошмарами и реальным миром, но теперь его затянуло в загадочный мир.

Что ещё хуже, сейчас гигантский старший монстр, дико атаковал шкаф в самом центре мира. Его глаза горели обвиняющим пламенем ненависти. Кажущаяся обычной дверца шкафа выдержала все атаки старшего монстра. Только когда в мире шкафов начали появляться трещины, на шкафу в центре начали проявляться признаки повреждений.

— Этот шкаф является ядром проклятого предмета и причиной существования этого мира.

Если у меня не получится, то никто не сможет! — Смех был смешан с ненавистью. Старший монстр больше походил на сумасшедшего. Мелкие трещины на шкафу увеличивались в размерах. Мутация имела далеко идущие последствия.

...

Квартира у берега моря домом детства Хуан Иня, она располагалась в лучшем месте старого города, именно здесь хранились все его лучшие воспоминания.

Чаша с грохотом упала на землю. Тарелки разлетелись во все стороны. В спальне перед туалетным столиком стояла женщина в фартуке. Она была невысокой и выглядела заботливой. А профессия преподавателя, придавала ей вид учёной. Женщина выглядела точь-в-точь как мать Хуан Иня, но парень, запертый в шкафу, знал, что какой бы хорошей ни была маскировка, она не была его матерью.

Подобрав испачканные маслом осколки миски, женщина опустилась на колени перед шкафом. Она посмотрела на запертого как собака Хуан Иня, и в её глазах вспыхнула ненависть.

— Так это все, что ты знаешь? — Раненый Хуан Инь поднял голову. После того, как его несколько раз убивала его "мать", он постепенно кое-что понял. Поначалу он думал, что то, что его мать убьет его, поможет облегчить чувство вины в его сердце. Он даже просил о смерти, что на какое-то время сбilo Бабочку с толку.

Но по мере того, как он умирал снова и снова, Хуан Инь понимал, что чувство вины в его сердце было все тем же. Кое-что навсегда запечатывается в сознании. Независимо от того, сколько раз это повторялось в кошмаре, в реальности ничего не менялось. Когда мать спасла его, она никогда бы не захотела, чтобы он всю жизнь испытывал чувство вины и боли.

Проводить каждый день в счастье это была самая большая благодарность, которую он мог ей дать.

Оставалось всего несколько вдохов кислорода, но на его лице до сих пор играла улыбка. Это были те немногие искренние эмоции, которые у него остались. Не отводя глаз, он посмотрел на лицо, которое полностью напоминало лицо его матери. Самобичевание в его глазах сменилось жалостью.

— Моя мать никогда бы так со мной не поступила, но не твои родители. Ты достоин жалости, но мне тебя не жаль.

Хуан Инь открыто провоцировал Бабочку, но ему было все равно.

— Ты так долго пытал меня... Твои родители делали то же самое? Они обращались с тобой как с животным, а теперь ты ведёшь себя как животное?

— Такое жалкое создание, в тебе не осталось ни капли человечности. По сравнению с тобой я даже не могу начать описывать, насколько я счастлив. Даже несмотря на то, что я скоро умру, я счастлив, потому что меня любили. И ты никогда не испытаешь этого, потому что никто тебя не полюбит, ведь не заслуживаешь того, чтобы тебя любили. Ха-ха-ха!

Хуан Инь, сидевший в шкафу, смеялся над Бабочкой. У женщины, стоявшей перед шкафом, перекошилось лицо. Кошмар извивался, как будто она пыталась сломить душу Хуан Инь грубой силой.

Но в этот момент женщина почувствовала что-то странное. Она опустила голову, чтобы посмотреть на свою грудь. Рядом с её сердцем появилась трещина, которая продолжала расширяться!

Она нахмурилась и повернулась, чтобы посмотреть на настенные часы. В каждом кошмаре Хуан Иня были часы. Сейчас было только 4 часа утра.

Назначенное время ещё не наступило, но проблемы уже начались. Женщина вытащила Хуан Иня из шкафа и сама забралась в него. Она выглядела такой отчаявшейся, как будто не смогла бы вернуться, если бы осталась ещё ненадолго.

<http://tl.rulate.ru/book/61445/3391808>